

ИРАН В КАНУН 40-ЛЕТИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

© 2018 г. Н. Мамедова

*МАМЕДОВА Нина Михайловна, кандидат экономических наук,
Институт востоковедения РАН, РФ, 107031 Москва, Рождественка ул., 12;
МГИМО, РФ, 119454 Москва, проспект Вернадского, 76 (tamedovan@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 14.02.2018.

После Исламской революции в Иране была создана уникальная система власти, в которой сочетаются религиозные и республиканские структуры. Почти 40 лет эта система представляла стабильной, несмотря на сложные взаимоотношения между властью и народом, между различными слоями общества, даже между различными фракциями правящей элиты. В наши дни во взаимодействии различных политических сил и государственно-клерикальных институтов прослеживаются серьезные изменения. Массовые оппозиционные выступления в канун 40-й годовщины революции свидетельствуют, что процесс формирования исламского режима не завершен. На системе власти начинают все более сказываться политические и экономические дисбалансы.

Ключевые слова: Иран, демонстрации, реформаторы, консерваторы, Корпус стражей исламской революции, рахбар, исламское правление.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-63-71

I

Многие события в сегодняшнем Иране связаны с особенностями его политической жизни, которые объясняются тем, что с начала XX века Иран вступил в период революций и переворотов. В государствах с авторитарным типом власти, к которым относится Иран, массовые протестные движения становятся практически одним из главных механизмов воздействия на сложившуюся ситуацию. Это стало в определенной мере исторической традицией и частью менталитета иранского общества.

В 1905–1911 гг. произошла первая иранская революция, давшая стране конституцию. В 1921 г. последовал военный переворот, приведший в 1925 г. к низложению династии Каджаров и установлению династии Пехлеви. В 1941 г. в страну были введены советские и английские войска. В 1945 г. были образованы автономные республики Азербайджана и Курдистана. В 1950 г. началось массовое движение за национализацию нефтяной промышленности, закончившееся военным переворотом 1953 г. С 1962 г. началось проведение реформ сверху, так называемой Белой революцией, исходом которой стало свержение в феврале 1979 г. шахского режима. Само осуществление шахских реформ также не было безоблачным, оно сопровождалось выступлениями духовенства, убийством премьер-министра, покушением на монарха, студенческими волнениями.

Последовавшее за Исламской революцией время больших надежд и военного противостояния с Ираком не могли не приглушить голоса

и выступления различных общественных групп в защиту своих социально-экономических и политических интересов. Их публичное выражение в разнообразных формах с увяданием постреволюционных иллюзий и прекращением войны с Багдадом вновь обретает широкий размах. Уже 1988 г. отмечен многолюдными антиправительственными манифестациями.

Более серьезным испытанием для исламского режима стали выступления студентов Тегерана, Исфахана, Тебриза и других крупных городов в 1999 г. Их требования носили политический характер: ослабление цензуры прессы, освобождение политических заключенных, снятие домашнего ареста с аятоллы Али Монтазери¹. Но против существующего режима участники демонстраций не выступали, фактически призывая к его политической модернизации, что вписывалось в общую тенденцию политики правительства М. Хатами, избранного президентом в 1997 г. Возможно, поэтому эти студенческие выступления не были поддержаны другими слоями населения, чтобы не дать повода консервативным кругам сместить кабинет М. Хатами, выступавшего за расширение политических свобод.

Более мощным и по числу участников, и по накалу политических требований был подъем антиправительственных акций в 2009 г. Их причиной стало несогласие с официальными итогами президентских выборов 2009 г., ког-

¹ Один из лидеров Исламской революции, выступивший за освобождение политических заключенных, с 1997 г. находился под домашним арестом.

да был переизбран Махмуд Ахмадинежад². Выступления носили организованный характер, получив название Зеленого движения, которое возглавили экс-президент М. Хатами, экс-спикер парламента Мехди Каруби и бывший премьер-министр Мир-Хоссейн Мусави. Протестные акции начались сразу же после объявления результатов выборов, в июне 2009 г., и продолжались до конца года. Причины выступлений были политические, впервые наряду с неприятием итогов выборов прозвучали лозунги против духовного лидера страны — рахбара Али Хаменеи. В ходе демонстраций произошли столкновения с полицией, сотни участников были арестованы, десятки убиты. Волнения продолжались до конца декабря 2009 г., в том числе и в связи со смертью великого аятоллы Али Монтазери, подерживавшего оппозиционное движение. Впервые в мирное время было введено даже военное положение в Неджафабаде, родном городе покойного.

В последние годы наиболее резонансные акции протеста имели место на рубеже 2017–2018 гг., начало которым положила демонстрация 28 декабря в Мешхеде, прошедшая под экономическими лозунгами — против безработицы и повышения цен. Она была активно поддержана в других городах, причем впервые в истории исламской республики открыто проявились массовые настроения против диктатуры рахбара. В противоположность Зеленому движению выступления конца 2017 — начала 2018 г. в целом были разноплановы и противоречивы: против политики президента и в его поддержку, против диктата духовенства, отражающего в большинстве своем консервативные взгляды, и вместе с тем против правительства прагматиков и реформаторов. Главным, однако, здесь видится то, что “живая жизнь” выбивается из-под спуда идеологически зарегулированного общества. Массовые выступления последних десятилетий, особенно на рубеже 2017–2018 гг., несмотря на известную разнородность их движущих сил и лозунгов, знаменуют собой серьезное ослабление особой консолидированности общества, порожденной революционным поворотом 40-летней давности с его исламизацией как социально интегрирующим фактором.

II

Если — при всех различиях групповых интересов — общество в целом было долгие годы объединено исламом как конституирующим фактором государства, то в настоящее время более отчетливо проявляются именно интересы различных групп и слоев, то есть черты внутренне конфликтного общества. Внедрение

² Первый срок президентства 2005–2009 гг., второй — 2009–2013 гг.

рыночных механизмов экономики, начавшееся с начала 1990-х годов, неизбежно — то с откатами, то с приливами, — ускорило дифференциацию общества и интересов его разных страт.

Самая главная скрепа, которая после революции объединяла иранское общество идеологически и через систему государственных механизмов, — принцип *веляйте-факих*, то есть власть главного факиха (религиозного правоведа). При обсуждении конституционных основ нового государственного образования победила доктрина Хомейни, но далеко не все религиозные авторитеты ее разделяли.

Если бы конституционные права рахбара как духовного и государственного лидера страны, воплощающего на практике принцип *веляйте-факих*, были бы значительно сокращены или даже делегированы коллективному органу, вероятность трансформации власти в сторону уменьшения влияния духовенства на политику страны была бы более высокой и исламской республикой Иран мог остаться только по названию.

Но пока именно фигура рахбара и сложившаяся структура власти, закрепленная в конституции, позволяют духовенству оказывать решающее влияние на выработку и проведение как внутренней, так и внешней политики. Спор о степени полномочий рахбара и участия духовенства во власти начался еще во время обсуждения конституции, и хотя принципы и структура власти не претерпели сколько-нибудь радикальных изменений, эти изменения все-таки происходили. При этом все эти изменения, вплоть до конституционных, например касающихся не только создания дополнительных органов власти, но и основных принципов экономического устройства — разрешение на использование иностранного капитала или приватизация, объяснялись исламскими принципами. В отличие от суннизма, в шиизме никогда не прерывалась традиция иджтихада, то есть толкования первичных норм ислама, содержащихся в Коране и Сунне. И происходившие перемены, с точки зрения иджтихада, связывались с экономическими и политическими интересами мусульманской общины на новом витке развития. Еще имам Хомейни, давая согласие на выделение самостоятельной группировки из Общества борющегося духовенства, в которое были объединены сторонники исламской власти, обратился к населению с Братской хартией, в которой указывал, что иджтихад открыт, и изменения возможны и даже полезны, если они делаются в интересах исламского государства.

Основными изменениями в политической структуре стали ликвидация поста премьер-министра, в результате чего вся исполнительная власть сосредоточилась в руках президента, а также создание Ассамблеи по целесообразно-

сти, нового органа в системе законодательной власти. Появление Ассамблеи по целесообразности, или, правильнее, Ассамблеи по принятию решений, наиболее целесообразных для исламского строя (*Маджма-йе таишхисе маслахате незам*) — результат борьбы между парламентом (меджлисом) и Наблюдательным советом (НС). Последний является своеобразной верхней законодательной палатой, состоящей из 12 законодателей, половина из которых — *факихи*, то есть религиозные богословы, и назначаются они непосредственно рахбаром, а кандидатуры остальных шести представляются меджлисом на утверждение рахбара. В 1989 г. Ассамблея по целесообразности приобрела конституционный статус, что снизило влияние НС в законотворческом процессе. Однако роль НС в политической жизни страны по-прежнему значительна, так как по закону о выборах именно он отбирает кандидатов в процессе выборов президента, меджлиса и Совета экспертов³, избирающего рахбара. Главенствующие позиции рахбара и НС в структуре власти и в процессе выборов остаются центральными факторами сохранения духовенством своего положения как руководящей и направляющей силы иранского общества.

Попытки сузить полномочия рахбара и уменьшить роль НС как избирательного фильтра предпринимались. Правительством президента-реформатора М. Хатами (1997–2005 гг.) были подготовлены два соответствующих законопроекта, которые даже были приняты меджлисом. Но они были отвергнуты Наблюдательным советом, а под влиянием рахбара — и Ассамблеи по целесообразности. Позднее президент М. Ахмадинежад, ставленник рахбара Али Хаменеи, стал явно брать на себя инициативу в управлении страной, создав сеть специальных представителей, получив согласие на образование Фонда национального развития, которым могло распоряжаться правительство. В ответ рахбар в 2011 г. пригрозил, что может вообще ликвидировать пост президента, добавив, что парламентский строй с премьер-министром может быть более целесообразен для Ирана.

Предпринятые в президентство Х. Роухани на выборах Совета экспертов в 2016 г. попытки ослабить контроль НС при отборе кандидатов, в том числе включить в число кандидатов женщин, обладающих богословскими знаниями, также не увенчались успехом. До последнего времени поползновения изменить исламский характер власти законодательным путем казались маловероятными, и более реальной представлялась постепенная эволюция исламских установок. Ислам с его принципом справедливости и идеи Исламской революции о защите

прав обездоленных долгое время представлялись широким массам более предпочтительными по сравнению с существующим в светских государствах неравенством. Однако развитие в рамках почти сорока лет исламской власти не привело к реальному воплощению принципа справедливости. Последние события, в которых впервые открыто проявилось недовольство исламским характером власти, возможно, ускорят процессы демократизации общества, в том числе за счет снижения исламской компоненты в органах власти — высших и муниципальных.

В определенной степени об этом свидетельствуют изменения в политической жизни с точки зрения организации общественно-политической деятельности. Фактически до президентских выборов 1997 г. сущность внутривластного процесса в Иране составляла борьба между двумя основными группировками духовенства — Обществом борющегося духовенства (ОБД) и Ассоциацией борющегося духовенства (АБД). Созданная по инициативе Хомейни после революции Партия Исламской Республики объединила (добровольно-принудительно) разные партии и группировки с целью противостоять противникам предложенной Хомейни концепции власти во главе с вelaye-факихом. После роспуска этой партии (также при одобрении Хомейни) эти две главные группировки духовенства поддерживали те или иные политические партии и группировки, которые условно можно было разделить на реформаторов и консерваторов. Хотя нарушение баланса между этими силами не носило угрожающего режиму характера, политическая борьба была крайне острой.

Первым президентом, вставшим на путь реформирования социально-экономической модели, стал занимавший центристские позиции между реформаторами и консерваторами Али Акбар Хашеми Рафсанджани, принадлежавший к ОБД. Его сменил М. Хатами, представитель реформаторов, лидер АБД в 90-е годы, выступивший с концепцией диалога цивилизаций. Но уже после поражения Зеленого движения к концу 2009 г., когда под домашним арестом оказались лидеры АБД, политическое противостояние между группировками духовенства сошло на нет. Уже с 1997 г. в политической жизни начала возрастать роль политических партий, создаваемых, как правило, в преддверии президентских или парламентских выборов и оказывающих влияние на формирование фракций внутри меджлиса.

Можем ли мы в связи с этим говорить о снижении влияния духовенства на партийную жизнь? Да, безусловно, но отнюдь не о кардинальном. В настоящее время достаточно сильным остается влияние Общества преподавателей Кумского религиозного центра. С согласия рахбара Али Хаменеи и Кумского центра в

³ Состоит из 86 богословов, избираемых населением на восьмилетний срок.

2005 г. президентом был избран Махмуд Ахмадинежад, не имевший религиозного звания, но фактически спровоцировавший введение жесткого санкционного режима в отношении Ирана. Нынешний президент Хасан Роухани, представитель духовенства высокого ранга, относится к крылу прагматиков, но близок к реформаторам. Уже после его избрания в 2013 г. стали создаваться новые партии реформаторского типа и возрождаться партии, запрещенные в президентство М. Ахмадинежада. Эти партии и объединения действуют уже без опоры на религиозные структуры [1, с. 21].

Несмотря на укрепление позиций реформаторов, что показало избрание Х. Роухани на второй срок, сопротивление его правительству, выступившему не только за дальнейшее налаживание контактов с Западом, за проведение реформ, за более прозрачную деятельность исламских фондов, со стороны консерваторов довольно сильно. Политическая борьба не ограничивается борьбой партий или официально оформленных в различные общества группировок. Многие определяются позицией рахбара, который, как правило, поддерживает реформаторов только в периоды кризисных для исламской власти ситуаций. Только необходимость смягчения санкций обусловила его поддержку Х. Роухани в президентскую кампанию 2013 г. В такую же кампанию 2017 г. рахбар не высказывался прямо против кандидатуры Роухани, однако свое ежегодное послание народу он озвучил тогда в Мешхеде, в религиозном комплексе *Астане Кодс Разави*, который возглавляет Ибрахим Раиси — главный соперник Х. Роухани на выборах. И в своем послании рахбар критиковал правительство Х. Роухани за то, что оно уделяет большое внимание связям с западными странами.

Консерваторам принадлежит ряд крупных газет, в их руках радио и телевидение, они преобладают в НС, Совете экспертов, сильны их позиции в Ассамблее по целесообразности. На их стороне — такие звенья сложной политической системы, как институт пятничных имамов, институт представителей рахбара во всех органах власти, в учебных заведениях и в крупных компаниях. Немаловажное влияние духовенство оказывает на формирование общественного мнения через систему распределения собираемого религиозного налога *хумс*. Налог, составляющий 20% от дохода, уплачивается добровольно, предназначен для благотворительных целей, но поступающие средства контролируются администрацией рахбара.

III

Одной из главных опор консервативных сил остается Корпус стражей Исламской рево-

люции (КСИР), обретший при Ахмадинежаде значительное влияние в политической и экономической жизни страны. Так, одним из организаторов консервативного Народного фронта сил Исламской революции, созданного в конце 2016 г. в поддержку Ибрахима Раиси, стал генерал Мохаммад Багер Золькадр, бывший заместитель командующего КСИР. Во время выборной кампании 2013 г. КСИР не выступал открыто против Роухани, но уже к 2017 г. его позиция изменилась. Это не в последнюю очередь объяснялось тем, что Х. Роухани старался уменьшить присутствие компаний, принадлежащих КСИР, в экономике. Эту же политику его кабинет проводит и в настоящее время, несмотря на успехи подразделений Корпуса в Сирии. Министерство обороны в новом правительстве Роухани возглавил армейский генерал Амир Хатами, ранее не связанный с КСИР. После окончания новогодних массовых выступлений именно А. Хатами заявил о том, что начатая в предыдущую президентскую легислатуру политика в отношении КСИР будет продолжена. Он сказал: “Лидер Исламской революции аятолла Сейед Али Хаменеи поручил всем Вооруженным силам Ирана либо отказаться от экономических предприятий, либо продать их частному сектору” [2].

Сразу же после выборов Х. Роухани согласовал с руководством КСИР масштабы участия компании КСИР *Хатам аль-Анбия* в экономике. Компания может участвовать только в крупных проектах (более 53 млн долл.), которые не интересны местным предпринимателям [3]. В настоящее время КСИР является акционером самых разных предприятий, приобретая их главным образом в санкционный период, когда из страны стал уходить иностранный капитал. Так, в 2009 г. 51% акций Телекоммуникационной компании Ирана на сумму 7.8 млрд долл. был продан консорциуму *Этемаде Мобин*, который входит в состав КСИР. *Хатам аль-Анбия*, образованная в период ирано-иракской войны для восстановления разрушенных объектов, превратилась в крупнейший диверсифицированный холдинг, получивший право в президентство М. Ахмадинежада на разработку нескольких фаз крупнейшего в мире газового месторождения Южный Парс. Экономический Корпуса неизбежно усиливает и его политическое значение.

К числу институтов, оказывающих влияние на общественное мнение и на политическую ситуацию, необходимо отнести и исламские фонды — *боньяды*, которые были созданы после революции на базе конфискованной собственности. Наряду с бюджетным финансированием они — материальные инструменты популистской, патерналистской политики верхов,

направленной на социальные низы. Курирует деятельность фондов рахбар. Наиболее крупные – Фонд обездоленных (*Боньяде мостазефин*), Фонд павших (*Боньяде шахид*), Комитет имама Хомейни (*Эмдаде имам*). Через Фонд павших осуществляется помощь участникам и членам семей, погибшим в революции и войне с Ираком. Фонд *Эмдаде имам* ведет активную работу по медицинскому обслуживанию населения, борьбе с эпидемиями, осуществляет ряд образовательных программ. Он активно действует за рубежом, предоставляя финансовую помощь в Пакистане, Сомали, Афганистане, Палестине, Боснии и Герцеговине, Косово, Чечне, на Коморских Островах, в Ираке, Таджикистане, Азербайджане (Нахичевани), Сирии и Ливане. По оценкам, 1.6 млн семей Ирана находятся под патронажем фонда. Его доходы складываются не только от деятельности переданных фонду компаний, но и от различного рода пожертвований, включая уплату *хумса*, что ежегодно составляет около 70 млн долл. По всей стране установлены специальные ящики для сбора пожертвований [4].

Конечно, полного отчета об источниках средств и их расходах фонд не публикует, но сведения о его благотворительной деятельности включаются в обзоры Статистического центра. Данных о деятельности остальных фондов фактически нет. Долгое время фонды имели налоговый иммунитет; М. Хатами удалось добиться от меджлиса согласия на уплату налогов, правда всего лишь в размере 1%. Включение фондов в программы приватизации, предпринимаемые в свое время и Хашеми Рафсанджани, и М. Хатами, практических результатов не дали.

Участие исламских фондов в общественно-политической жизни трудно переоценить, их влияние реализуется, во-первых, через работников, занятых на их предприятиях. Как только предприятие фонда оказывалось включенным в программу приватизации, на нем проходили организованные протесты трудящихся и программа отменялась. Во-вторых, это влияние осуществляется через каналы помощи, через прессу.

Крупнейший из исламских фондов – Фонд обездоленных (ФО) – создан на базе Фонда Пехлеви и пополнен другой национализированной собственностью. Традиционно ФО возглавлял один из высших чинов КСИР, поэтому часть средств расходовалась на помощь действующему за пределами страны подразделению *Кодс*. По размерам активов ФО – вторая в Иране компания после Иранской национальной нефтяной компании. В составе ФО – 11 различных холдингов, 160 аффилированных компаний. Доля Фонда, по словам его главы, в ВВП Ирана составляет около 1%. Х. Роухани неоднократно ставил вопрос о том, что

деятельность фондов должна быть прозрачна, подотчетна и включена в экономические программы правительства. После согласования с рахбаром руководство ФО согласилось продать через Тегеранскую фондовую биржу более 20 принадлежащих ему гостиниц [2]. Договоренность с правительством об этом была достигнута в сентябре 2017 г., и нельзя исключить, что это стало одной из причин организованных в конце 2017 г. демонстраций протеста.

Чтобы уменьшить зависимость политических партий от влияния религиозных структур, кабинет Х. Роухани в проект бюджета на 2018/19 г. включил расходную статью, которая предусматривала выделение субсидий наиболее активным партиям. Не все представители даже реформистского лагеря были с этим согласны. Например, член меджлиса Махмуд Садеки считает, что успешные партии получают достаточное финансирование от своих членов. Меджлис в целом тоже не согласился с правительственной инициативой, но сама постановка этого вопроса свидетельствует о стремлении нынешнего руководства страны повысить роль партий в политическом процессе [5].

На национальном менталитете и, главное, на политической борьбе сильно сказывается то, что иранское общество носит ярко выраженный клановый характер. После Исламской революции формирование политической, религиозной и экономической элит Ирана оказалось тесно взаимосвязанным. Уже конституционно закрепленная структура власти обусловила вхождение в высшие государственные органы представителей высших шиитских кругов. Когда с начала 90-х годов страна перешла к формированию либеральной социально-экономической модели, стало расти экономическое влияние новых слоев, связанных и с бюрократическим аппаратом, и с исламскими формами бизнеса, и даже, как было сказано, с вооруженными силами. Некоторые из мелких предпринимателей, начинавших деятельность еще при шахском режиме, также смогли войти в экономическую элиту. С развитием страны, с ростом разнообразия политических и экономических структур, а также условий их функционирования усложняется состав властной элиты. Противоречия между отдельными кланами или представителями элит в разные периоды то утихают, то усиливаются, приводя к смене правительств, к изменениям в экономической политике, к изменениям в отношениях с внешним миром.

Наиболее влиятельным долгое время был экономически мощный клан Хашеми Рафсанджани, во многом определявший внутреннюю политику страны. И даже после ухода из жизни Али Акбара Рафсанджани представители этого семейства продолжают активно воздействовать на полити-

ческую жизнь. Под его прямым контролем находится ряд политических и общественных группировок по всей стране, а также крупные газеты [6, сс. 125-127]. Один из членов клана в мае 2017 г. возглавил Тегеранский городской совет.

Традиционно велико политическое влияние семьи имама Хомейни, поддерживающей сейчас в большинстве своем позицию Х. Роухани.

Активно участвуют в политической жизни представители семьи Али Хаменеи. Его сын Можтаба Хаменеи, женатый на дочери экс-спикера парламента Г. Хаддад Аделя, сыграл огромную роль в победе М. Ахмадинежада на президентских выборах, а будучи назначенным главой *Басиджа* (ополчения), входящего в состав КСИР, в подавлении Зеленого движения.

Представители клана Лариджани возглавляют законодательную власть (Али Лариджани, женатый на дочери аятоллы М. Мортазы Мортахари, одного из идеологов Исламской революции, — спикер меджлиса), судебную власть (аятолла Садек Амоли Лариджани), работают в администрации рахбара (идеологический советник М. Джавад Ардашир Лариджани). Семья связана родственными узами с рядом известных духовных и политических деятелей.

В основе формирования этих кланов лежат не только родственные связи, но и принадлежность к определенным шиитским школам, поэтому столь тесны связи иранских кланов с представителями шиитского духовенства в других странах.

Частный бизнес имеет близкие отношения либо с этими кланами, либо с высшей бюрократией, либо со структурами, относящимися к КСИР. Именно эти слои тормозят проведение реформ, направленных на повышение уровня прозрачности и конкуренции — как в экономике, так и политике. Позиции малого и среднего бизнеса, несмотря на преобладание мелка и средних предприятий в экономике, пока еще слабы. Правительство Х. Роухани пытается стимулировать развитие этого бизнес-сегмента, в частности оказывая ему административную и финансовую поддержку, ужимая теневые хозяйственные структуры.

IV

К моменту избрания президентом Х. Роухани в 2013 г. самой актуальной проблемой для Ирана был санкционный режим. Основной причиной международных санкций, к которым присоединились практически все страны, являлась ядерная программа Ирана. Западные страны увязывали ее с попытками создать ядерное оружие, Иран заявлял о ее развитии в мирных целях, приводя в доказательство даже фетву Али Хаменеи, запрещающую производ-

ство и использование оружия массового уничтожения. Поэтому долгое время населению страны введение экономических санкций объяснялось правящими кругами страны стремлением западных стран и Израиля уничтожить исламский режим и служило фактором, объединяющим иранское общество с властью. По инициативе рахбара была разработана концепция экономики сопротивления, целью которой в ответ на экономическое давление Запада называлось создание экономики с опорой на собственные ресурсы и снижение зависимости от экспорта сырой нефти.

Но ожидаемого результата эта программа не принесла, темп роста ВВП с 2012 г. снижался, несмотря на скачок цен на нефть в 2012 г. и 2013 г., и рахбар в своих новогодних посланиях призвал население к “экономическому джихаду”. В 2012/13 г.⁴ впервые за два десятилетия ВВП (в постоянных ценах) снизился (–7.7%), особенно из-за упадка в нефтяной отрасли (–36.5%) [7, с. 3], продолжившегося и в следующем году.

Иранская экономика вступила в этап стагнации, а падение цен на нефть на мировом рынке еще более усилило негативный эффект от санкций. Стало очевидным, что это может угрожать режиму. Сложившийся в Иране тип авторитаризма, в основе которого лежит политическое и экономическое господство религиозных структур, достаточно эффективно работал до введения санкций, но не смог при сокращении валютных поступлений от экспорта нефти обеспечить динамичное развитие. И так же, как имам Хомейни согласился на завершение войны с Ираком, поставившей иранскую экономику на грань коллапса, рахбар Али Хаменеи принял сокращение ядерной программы, поддержав на президентских выборах кандидатуру Х. Роухани [8, с. 208]. Сформированное им правительство, представлявшее в большинстве своем реформаторов, убедило религиозное руководство и значительную часть меджлиса пойти на свертывание ядерной программы в обмен на отмену санкций. Подписание с “шестеркой” стран Совместного всеобъемлющего плана действий в июле 2015 г. смогло вновь сделать динамику ВВП положительной. Но рост произошел в основном за счет расширения добычи и экспорта нефти.

Падение производства было столь глубоким, что требовало значительных капиталовложений, в том числе иностранных. Приток последних увеличился, хотя и незначительно. Главной причиной осторожного вхождения зарубежных компаний на иранский рынок стала негативное отношение к Ирану новой администрации США, что пошатнуло политические позиции сторонников Х. Роухани. В опре-

⁴ Иранский год начинается с 22 марта.

деленной мере повторяется ситуация, схожая с той, когда причисление Соединенными Штатами Ирана к “оси зла” в президентство М. Хатами, который выступил за установление связей с Западом, дало повод для критики консерваторами внешней политики президента и для поддержки радикального крыла консерваторов в лице М. Ахмадинежада.

Финансирование проектов по реанимации производств, закрывшихся в период санкций, по расширению производства на действующих предприятиях при слабом притоке иностранных инвестиций требует увеличения бюджетного финансирования. Из-за низких цен на нефть бюджет сводится с дефицитом. Представленный правительством в меджлис бюджет на 2018/19 г. предполагал свертывание популистских мер поддержки населения: уменьшение социальных выплат и денежных компенсаций населению при уменьшении государственных субсидий на поддержание низких цен на топливо, муку, воду и электроэнергию. Обсуждение бюджета в печати и в социальных сетях оказало психологическое воздействие на потребительский рынок и привело к росту цен. Правда, в целом за последние два года правительству Х. Роухани удалось снизить инфляцию, которая в середине 2013 г. превышала 30%. Но в настоящее время впервые за 26 лет она вышла на однозначный уровень [9, р. 11]. За январь–декабрь 2017 г. она не превысила 8.2%, хотя в последний месяц 2017 г. произошел ее всплеск.

Более болезненны, нежели инфляция, для Ирана безработица и низкий уровень производительности труда. Если главной целью своей программы во время выборов в 2013 г. Х. Роухани ставил снятие санкционного режима, то центральной задачей второго срока он назвал решение экономических задач, в том числе уменьшение безработицы. Первый вице-президент Эсхак Джахангири еще при формировании кабинета заявил, что “общий уровень безработицы, оцениваемый в 11%, является проблематичным, но 25% безработных среди молодежи – это тревожный сигнал. Это станет главной задачей нового правительства. Чтобы ее решить... нужно в ближайшее время создавать ежегодно порядка миллиона рабочих мест” [10, р. 15]. Таким образом, правительство не преуменьшает сложность проблемы, так как международные организации оценивают необходимость ежегодного прироста рабочих мест в 840 тыс. [11, р. 8].

Но прирост такого количества рабочих мест требует дополнительных крупных капиталовложений, более благоприятных условий для частных предпринимателей, расширения контактов с мировым рынком. Эти проблемы были учтены и при формировании программы последнего правительства.

V

Одним из общественно наиболее значимых показателей эффективности работы правительства является социальная результативность его бюджетной политики, ее направленность на смягчение социального неравенства, его способность отстаивать свою линию перед законодательной властью. Как уже отмечалось, массовые акции протеста зимы 2017–2018 гг. с их экономическими требованиями были приурочены к обсуждению бюджета, представленного правительством в меджлис 10 декабря. Самое удивительное, что это обсуждение началось в социальных сетях раньше, чем в комиссиях меджлиса, – после того, как советник президента Хесамодин Ашна обнародовал в Интернете параметры статей, которые обычно остаются в тени. По его сообщению, примерно половина расходов бюджета идет на финансирование КСИР и на военные действия в Сирии, а также на помощь сирийскому правительству. Это – кредиты, которые были предоставлены Ираном Сирии в 2013–2017 гг. в объеме 6.6 млрд долл., а также финансирование Хезболлы [12]. Именно за прозрачность расходов некоторых государственных структур выступают сторонники Х. Роухани. Но можно предположить, что усиление КСИР беспокоит и духовенство, учитывая, что Х. Ашна – зять аятоллы Корбанали Дори-Наджафабади, не только видного религиозного (член Совета экспертов), но и государственного деятеля (министр внутренних дел в президентство Хатами, генеральный прокурор при Ахмадинежаде).

Одной из главных причин массового недовольства стало снижение денежных выплат населению из-за свертывания бюджетных субсидий на сдерживание цен. Правительству удалось убедить меджлис в необходимости сокращения размеров компенсационных выплат, уменьшения числа их получателей (если месячный доход менее 214 долл.), сдерживания роста заработной платы, повышения налогов.

Под влиянием прошедших демонстраций в бюджет были внесены поправки. Планово-бюджетная комиссия меджлиса согласовала с правительством новый вариант бюджета, в котором число получателей компенсационных выплат было расширено до 40 млн (при населении в 80 млн человек). Комиссия внесла также ряд поправок, главной из которых стало сохранение цен на бензин, отмена увеличения заработной платы для высшего административного персонала и ограничение роста заработной платы для остальных категорий работников 18%. При этом меджлис запретил повышение тарифов, пошлин и платы за услуги, предоставляемые исполнительной властью. Комиссия сохранила налоговые льготы для го-

сударственных служащих с месячным доходом ниже 522 долл. и для занятых в частном секторе с доходом ниже 409 долл. [13].

21 января 2018 г. этот вариант был представлен на общее обсуждение. И 28 января впервые в истории Ирана этот согласованный бюджет меджлис не принял, что свидетельствует о реальном накале политической борьбы. За три дня правительству и Совместной комиссии меджлиса удалось согласовать спорные статьи, и 29 января бюджет, вернее, его общие статьи, был принят (за — 82 голоса, против — 73, 6 — воздержались). Основные изменения были внесены в раздел о денежных компенсациях. Согласно новому варианту денежные компенсационные выплаты были повышены на 1.52 млрд долл. (до 6.52 млрд долл.). Это увеличение, считает меджлис, должно быть обеспечено за счет сокращения бюджетных субсидий на поддержание цен (на электроэнергию, топливо, продовольствие) до 9.56 млрд долл. — вместо ранее запланированных 8.04 млрд долл. Размер месячных денежных выплат на одного получателя составляет около 10 долл.

Практически не изменены расходы на поддержание безопасности. Вооруженным силам выделено около 8% всех расходов, треть из них — на КСИР. Но это всего 2.3% от ВВП, в отличие от Саудовской Аравии, расходующей на армию более 13% ВВП. Часть бюджетного дефицита правительство, как и в 2017/18 г., планировало покрыть за счет выпуска специальных облигаций на сумму более 22 млрд долл., но меджлис снизил эту сумму до 8.36 млрд долл. [14].

Эти поправки еще более увеличили бюджетный дефицит. В определенной мере это подвигнет правительство на более активную приватизацию государственных компаний, что может укрепить позиции частного сектора и, следовательно, новой элиты. Уже 1 февраля глава Организации по приватизации заявил, что до 20 марта 2018 г. будут представлены на рынок 5 млрд акций государственных компаний и компаний исламских фондов. В список приватизируемых в 2018 г. включены 337 компаний, из них акции 230 компаний полностью поступают на финансовый рынок, а 20% акций остальных 107 компаний останется в руках государства [15].

Бюджетные баталии и события вокруг них, как и ряд других обстоятельств последних лет, показали, что сторонникам Роухани удалось в целом сохранить свои позиции и нацеленность на реформирование экономической структуры. Его первый же комментарий о волнениях на рубеже 2017—2018 гг., в котором он заявил о праве народа на выражение своих взглядов, оказал большое влияние на ход демонстраций и в значительной мере предотвратил раскол в религиозно-политической элите. И реформа-

торы, и консерваторы выступили только против экстремальных проявлений недовольства, признав, таким образом, право населения на критику политики и правительства, и рахбара.

Вполне вероятно, что Ирану удастся сохранить положительный тренд развития, несмотря на ужесточение санкций со стороны США. Конечно, высокий темп экономического роста 2016/17 г., обусловленный восстановлением былых объемов добычи и экспорта нефти, не удержится, но прогнозируемый Всемирным банком и Международным валютным фондом рост в 2018/19 г. в 4—4.5% может обеспечить баланс интересов разных страт общества. Уже в I кв. 2017/18 г. ВВП увеличился на 6.5%, а главное, что без учета нефтедобычи прирост был еще более высоким — 7.0%. Стал восстанавливаться строительный сектор (+7.1%) после резкого спада в нем в 2016/17 г. (–11.3%). В значительной мере сокращение строительства сыграло свою роль и в увеличении числа безработных, и в их присоединении к демонстрациям протеста. Тревогу у правительства Роухани вызывает положение в обрабатывающей промышленности, там рост в I кв. 2017/18 г. (5.8%) оказался даже ниже, чем в 2016/17 г. (6.5%).

Многое в экономике будет зависеть от иностранных инвестиций, которые начали возвращаться в Иран, но пока очень осторожно из-за возможного усиления американских санкций. Ценовая ситуация на рынке нефти не предполагает резких изменений. Иран в краткосрочной и среднесрочной перспективе будет строить расчет поступления валютных средств за счет нефти. Тем более что при себестоимости добычи нефти в Иране (10—12 долл. за баррель) эта отрасль привлекательна для иностранных компаний, особенно Китая, Японии и Индии.

* * *

К концу четвертого десятилетия Исламской революции Ирану удалось избежать кардинальных потрясений. Власть и общество, несмотря на массовые выступления на рубеже 2017—2018 гг., отразившие социальное недовольство масс и противоречивость их настроений, сохранили относительный баланс в своих отношениях. Этот баланс все более и более оказывается зависимым не столько от взаимоотношений с другими странами, сколько от тех внутренних противоречий, которые обуславливаются трудносовместимыми факторами — автократическим характером власти и проводимой под исламскими лозунгами популистской политикой, а также растущими демократическими тенденциями общественной жизни. Анализ противоречий в иранском обществе показывает, что на устойчивость системы власти все отчетливее начинают влиять политические и экономические дисбалансы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Дунаева Е.В. Иран: изменения баланса политических сил после выборов Х. Роухани. *Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока*. Москва, ДА МИД России, 2017, сс. 17-30. [Dunaeva E.V. Iran: izmeneniya balansa politicheskikh sil posle vyborov Kh. Roukhani [Iran: Changes in the Balance of Political Forces after the Election of H. Roukhani]. *Aktual'nye problemy Blizhnego i Srednego Vostoka* [Actual Problems of the Near and Middle East]. Moscow, DA MID Russia, 2017, pp. 17-30.]
2. IRGC Told to Lay Off Economic Activities. *Financial Tribune* (Tehran), 23.01.2018.
3. Khatam al-Anbiya Agrees to Forgo Less Than \$53m Projects. *Financial Tribune*, 26.07.2017.
4. Public Donations to IKRC. *Financial Tribune*, 29.01.2018.
5. MP Criticizes Gov't Financial Support for Parties. *Financial Tribune*, 30.12.2017.
6. Мамедова Н.М. Иран: особенности формирования политической элиты. *Восток (Oriens)*, 2016, № 1, сс. 121-127. [Mamedova N.M. Iran: osobennosti formirovaniya politicheskoi elity [Iran: Features of the Formation of the Political Elite]. *Vostok (Oriens)*, 2016, no. 1, pp. 121-127.]
7. The Central Bank of the Islamic Republic of Iran. *Economic Trends*, 1395 (2016/17), no. 86. 28 p.
8. Мамедова Н.М. Экономическое развитие Ирана во втором десятилетии XXI века: основные тенденции и перспективы. *Иран во втором десятилетии XXI века: проблемы перспективы*. Отв. ред. Мамедова Н.М. Москва, ИВ РАН, 2016, сс. 201-215. [Mamedova N.M. Ekonomicheskoe razvitie Irana vo vtorom desyatiletii XXI veka: osnovnyye tendentsii i perspektivy [Economic Development of Iran in the Second Decade of the XXI Century: the Main Trends and Prospects]. *Iran vo vtorom desyatiletii XXI veka: problemy i perspektivy* [Iran in the Second Decade of the XXI Century: the Problems and Perspective. Ed. by Mamedova N.M.]. Moscow, IVRAN, 2016, pp. 201-215.]
9. Rouhani's New Men. *Iran Economy. Monthly Economic Magazine*, September 2017, no. 9, pp. 8-11.
10. The 27th Conference on Monetary and Foreign Exchange Policies. *Iran Economy. Monthly Economic Magazine*, July 2017, no. 8, pp.14-19.
11. Cordesman A.H. *The Crisis in Iran: What Now?* Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/180112_The_Crisis_Iran.pdf?436140qcZULx2.FP2LQLcbaW0c4ZC5Y (accessed 05.01.2018).
12. Тихомиров В. *Бунт в городе святош. Кто стоит за восстанием в Иране?* [Tikhomirov V. *Bunt v gorode svyatosh. Kto stoit za vosstaniem v Irane?*] Available at: https://life.ru/t/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5/1076192/bunt_v_ghorodie_sviatosh_kto_stoit_zh_vosstaniem_v_iranie (accessed 05.01.2018).
13. Budget Bill Undergoes Revision by MPs. *Financial Tribune*, 21.01.2018.
14. MPs Approve New Budget Outlines. *Financial Tribune*, 01.02.2018.
15. Privatization of 5 Trillion Shares Planned by Marche. *Financial Tribune*, 01.02.2018.

IRAN ON THE EVE OF THE 40th ANNIVERSARY OF THE ISLAMIC REVOLUTION*(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 7, pp. 63-71)**Received 14.02.2018.*

*Nina M. MAMEDOVA (mamedovan@mail.ru),
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 10703,
Russian Federation;
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Ministry of Foreign Affairs of
Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow 119454, Russian Federation.*

After the Islamic revolution in Iran, a unique governance system was set up, where both religious and republican structures are combined. Notwithstanding both the complex liaisons between power and the people, between the various layers of society, even inside different factions of the ruling elite, the system has remained virtually intact for nearly 40 years. Mass opposition protests and demonstrations just before the 49th anniversary of the revolution made it evident that the process of the Islamic regime formation has not been finalized. The protests became the biggest challenge to the Islamic regime since 2009, although they did not develop into a nationwide mass movement. The reasons for the demonstrations were very different – both political and economic. Most of the slogans reflected the discontent of the population with the economic situation. Demonstrators criticized not only the economic policy of H. Rouhani's government, but also Rahbar Ali Khamenei, the leader of the country, and the Islamic regime as such. The research provides characteristics of various political forces and elements of Iran's complex political system. Much attention is paid to the role of the supreme Shiite clergy in power and that of the Islamic Revolution Guard Corps in the country's political and especially economic life. Specifications of some religious and political clans that exert the greatest influence on the policy of the Islamic state are given. The author believes that the sustainability of the Iranian political system is becoming increasingly dependent on political and economic inputs, that the contradictions between the authoritarian nature of Islamic power and growing liberal tendencies in the slab and economy become more distinct.

Keywords: Iran, demonstrations, reformators, conservatives, Islamic Revolution Guard Corps, Rahbar, Islamic governance.

About authors:

Nina M. MAMEDOVA, Candidate of Economics, Head of Department.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-63-71